

RU

Повести эвенка Александра Латкина (герои, проблематика, поэтика)

Хазанкович Ю. Г.

Аннотация. Научная новизна заключается во введении в литературоведческий оборот творчества русскоязычного эвенкийского прозаика А. Латкина. Цель исследования - определить специфику типа героя, проблематику и некоторые особенности поэтики его повестей. Феноменологический подход к повестям начала 1980-х - начала 1990-х годов позволил получить следующие результаты: жанровое содержание повестей можно отнести к романическому. Герои Латкина - это персонажи-тенденции, для которых характерно «неполное прилежание к жизни». Семантика природных образов в контексте природно-ландшафтного кода самой культуры эвенков определяет философский смысл повестей, актуализируя экзистенциальные проблемы выбора человека и его бытия.

EN

Stories by the Evenk Writer Alexander Latkin:
Personages, Problematics, Poetics

Khazankovich Y. G.

Abstract. The article analyzes the modern Russian-speaking Evenk writer A. Latkin's creative work. The researcher's attention is focused on the following issues: personages, problematics, poetics of the writer's prose. The phenomenological approach is applied to analyze the stories written in the period from the early 1980s till the early 1990s. Scientific originality of the study lies in the fact that the writer's works have not been previously investigated in the domestic literary criticism. The conducted research allows drawing the following conclusions: A. Latkin's stories possess genre features of the novel, his personages-symbols "are not in tune with life". Semantics of nature images in the context of the Evenk landscape code determines philosophical meaning of A. Latkin's stories actualizing the human's existential problems.

Введение

Имя прозаика Александра Латкина хорошо известно читателям и исследователям эвенкийской литературы, но до сих пор его художественное творчество не стало объектом критического и литературоведческого анализа. Обращение к нему определяет актуальность нашего исследования, равно как и необходимость в ближайшей перспективе написания целостной истории эвенкийской литературы, начиная с переводов религиозных текстов на язык тунгусов и феномена региональной литературы начала XX века – творчества русскоязычного эвенка Гамаллила Гантимурова, завершая творчеством наших современников – наследием классика Алитета Немтушкина и Галины Кэптукэ, а также русскоязычных писателей Александра Латкина, Варвары Даниловой и др. На наш взгляд, региональный фактор сыграл в этом роль определяющую: писатель живет в Республике Бурятия, Северобайкальском районе. Зачастую к нему проявляют интерес исследователи из регионов, а между тем творчество эвенкийского охотника-промысловика и профессионального литератора из Забайкалья – неотъемлемая часть «художественной Вселенной» современной литературы не только эвенков, но и в целом коренных народов Севера.

Знарок истории и этнографии забайкальских эвенков, культуры своих предков, Александр Латкин языком своего творчества выбрал русский, продолжив тем самым традицию зачинателя эвенкийской литературы, первого русскоязычного романиста конца XIX – начала XX в. Гамаллила Гантимурова. Выпускник Литературного института имени М. Горького дебютировал в 1977 году, и его произведения – в одном ряду с именами классика эвенкийской литературы Алитета Немтушкина и известного современного прозаика из Якутии Галины Кэптукэ. О феномене А. Латкина высказалась первой Елена Хомутова и определила векторы творчества эвенкийского писателя: «Два мироощущения, два типа сознания, два образа жизни. Человек, выстреливший в петлю, и человек, убивший живое, – так со всей определенностью высказывается о сохранении или утрате цельности души писатель А. Латкин» [9, с. 3].

В советское время еженедельник «Литературная Россия» стал его творческой площадкой и первым опубликовал рассказ «Нить», в 1984 году в Москве издана книга «Осенний перевал», позднее в Москве и Иркутске вышли еще книги прозы «Глиняные рисунки» и «Завтра и всегда». В 2014-2015 годах в издательстве Бурятского государственного университета было издано 7 книг автора, куда были включены рассказы («Волчий закон», «Скала забвения», «Ночная охота», «Двое» и др.), повести «Амикан» (1983), «Тропа, ведущая по кругу» (1984) [5], «Последнее пришествие» (1992), «Войди в храм чистым» (1994) [4], а также «исторические хроники» под названием «Из жизни эвенков и бурят Севера Бурятии» и др. В нашей статье впервые будет предложен опыт литературоведческой рефлексии художественного мира А. Латкина, в этой связи решаются следующие задачи: охарактеризовать тип героя, раскрыть проблематику и проанализировать особенности поэтики его повестей.

Обращение к системному методу позволяет рассмотреть повести эвенкийского автора в контексте условий самого времени их создания, а феноменологический подход открывает художественный мир текстов Латкина через авторское мироощущение, систему его ценностей и представлений.

Теоретическая база исследования – немногочисленные литературоведческие и критические работы, посвященные творчеству Александра Латкина. Так, Татьяна Комиссарова исследует образы-символы повести «Амикан» и делает вывод, что духовный смысл этой повести вырастает из бытового сюжета, философски углубляет событийную основу повести, и в ней «чувствуется историческое время» [1, с. 104]. В. В. Огрызко обращается к проблематике повестей Латкина 1990-х годов [6], а Елена Хомутова рассматривает стилистические особенности письма самобытного автора [8].

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов статьи в процессе преподавания дисциплин «Литературы народов Севера», «Эвенкийская литература», «Литературы народов России» школьникам и студентам гуманитарных специальностей средних и высших учебных заведений.

Проблематика творчества А. Латкина в контексте «сибирского фронта»

Художественный мир А. Латкина – это проекция социальной и этнокультурной ситуации советского и постсоветского времени. Повести эвенкийского прозаика, по сути, являются социокультурным и этнопсихологическим исследованием законов жизни через жизнь и судьбу конкретного человека. Считаем, что при изучении творчества Латкина есть смысл учитывать феномен «сибирского фронта». В определении этого понятия мы разделяем точку зрения А. С. Хромых. Исследователь, употребляя его, имел в виду «цивилизационный/социальный разлом» с особой ментальностью людей [10, с. 107]. В исторической и этнографической науках фронт определяется еще и как «место встречи двух культур» [7, с. 16]. Сам писатель заметил, что «если он сочиняет на русском языке, то это не значит, что он не чувствует боль эвенков... Я получил от народа духовный смысл своей жизни... Величайшее мировое создание – русский язык дал возможность приблизиться к смыслу, к той своеобразной культуре, которую создали эвенки-казаки, охранявшие восточные рубежи России... Они занимались охотой и рыболовством. Они активно метизировались. Именно они явились создателями оригинальной смешанной культуры, которая органична русскому языку, дает возможность работать над проблемами, которые порождают взаимопроникновение жизней нескольких наций... может даже в стихии столкновения – столкновения культур» [цит. по: 6, с. 4].

Следует отметить, что проза Латкина в истории современной литературы коренных народов Севера – явление и значительное, и значимое. Его повести обретают романтическое содержание в своей человековедческой и философской проблематике.

Заглавия повестей А. Латкина вызывают определенные смысловые ассоциации, но по мере следования авторской мысли их семантика наполняется качественно иным смыслом. Развязка повестей «Тропа, ведущая по кругу», «Войди в храм чистым» перекодирует изначально ожидаемый смысл, и произведения обретают социально-философское содержание. Более того, метафорические заглавия повестей проецируют максимализм автора в постановке этических и этнических проблем существования человека.

Повесть «Амикан»: герой, конфликт, образы-символы

Ранняя повесть А. Латкина «Амикан» [2], которая вышла в начале 1980-х годов, – это социально-психологическая повесть о жизни и судьбе Старого Охотника и медведя, или, как эвенки его называют, Амикана. Сюжет повести можно соотнести с повестью нивха Владимира Санги «Изгин» (1969), в которой повествуется о жизни одинокого охотника Изгина и старого лисовина, которому старик сохраняет жизнь. У эвенкийского прозаика сюжет созвучный: Старый Охотник освобождает из петли медведя, обреченного на голодную и мученическую смерть. Потом не раз судьба сводит их на узкой охотничьей тропе, они живут рядом, не мешая друг другу, до тех пор, пока не вторгаются в размеренную, полную гармонии таежную жизнь изыскательские партии и строители, прокладывающие в тайге железную дорогу, чтобы затем построить здесь город. Строители новой жизни не только теснят старика с его охотничьих угодий, но и пытаются убить медведя, который из-за любопытства стал наведываться в их лагерь. В тайге медведь оказался лишним, а затем стал не нужен и старик, отказавшийся в него стрелять. Старый Охотник пытается через защиту медведя сохранить со-природное, родовое бытие предков, а вместе с тем и свое внутреннее естество родового человека. Есть в повествовании А. Латкина желание понять, описать, исследовать «естественного человека», включенного

в конкретную социальную реальность. Прозаик композиционно строит свое произведение на противопоставлении двух миров – человека и Природы. При этом мир Природы олицетворен не только медведем-амиканом, но и Старым Охотником. Латкин не фокусирует внимание читателя на экологической проблематике, которая получила глубокую художественную рефлексию в русской литературе того периода (прежде всего в творчестве В. Распутина, который непосредственно дал рекомендацию молодому эвенкийскому прозаику в члены Союза писателей СССР. – Ю. Х.). В своей повести он противопоставляет обездушенность, нравственную глухоту «пришлых» людей, чужаков и духовную силу, совестливость, чуткость Старого Охотника. Более того, за отношением старика-эвенка к природе, олицетворенной хозяином тайги Амиканом, – сама культура эвенков, в идеологии которой отношение к Природе как живому объекту. Эвенкийский автор исследует морфологию конфликта между Старым Охотником, Амиканом и «пришлыми людьми», фиксируя события, ведущие к трагической развязке. Через образы-символы – пожар, горящее дерево, затравленный зверь, теряющий себя человек – автор как бы схватывает скрытую суть происходящих событий, проводит смысловую аналогию и передает свое эмоциональное переживание происходящего. В глухой тайге разыгрывается драма, которую так никто и не заметил: Амикан, голодный, поднятый из берлоги, с обмороженными лапами, бросается в пропасть, а потом разделяет его участь и Старый Охотник.

Нравственно-философский смысл других повестей вырастает из бытового сюжета, где просто рассказывается о заурядной истории жизни, все действие сконцентрировано в повседневном пространстве жизни человека, в фокусе которой раскрывается его судьба (повести «Войди в храм чистым», «Тропа, ведущая по кругу»). Обращаясь к какой-либо конкретной жизненной ситуации, которая, по сути, оказывается бытийной, Латкин стремится разобраться даже не в ней самой, а в том укорененном и суетном, что выявляет она в человеке. Охота, лесной пожар, производственный конфликт, какой-то жизненный отрезок оказываются для его героев «событием их бытия» (М. Бахтин), исходной точкой для познания мира, его диалектики, а вместе с тем и самих себя.

Герой, проблематика и поэтика повестей 1990-х годов

Михаил Эпштейн отмечает, что в каждой национальной художественной словесности есть свои «персонажи-тенденции», «персонажи-симптомы» [11, с. 65], которые характерны для того или другого автора. Большинство героев повестей Латкина – это персонажи-тенденции, это такой тип героя, который испытывает внутренние противоречия, для него характерно неполное прилегание к жизни, он не живет в гармонии с внешним миром, потому что в мире много несправедливости. Вопрос «Как быть?», которым задаются Крылов («Тропа, ведущая по кругу»), Родион Скот («Войди в храм чистым»), Санька («Последнее пришествие»), тесно сопряжен с авторским пониманием цели человеческой жизни. Все его герои испытывают жажду сопротивления и мучительное осознание невозможности сопротивляться тотальности происходящего. Сопротивление самому себе и давящим жизненным обстоятельствам, растворению в течении всеобщей безликой жизни образует основную сюжетную коллизию его текстов. Например, в повести «Войди в храм чистым» Родион Скот в мыслях обрести жгучий интерес к жизни. Через всю повесть лейтмотивом проходит тоска героя по «настоящей жизни», которая есть «далеко-далеко». Энергия мечты «жить по-другому» движет Скотом в поиске своей правды, своего места в «этой» жизни, где «и лгать, и лстыть, и выворачиваться – норма» [3, с. 103]. Герой рефлексирует, его мучает совесть, он ощущает свою правоту «перед собой» и «своим миром», но амбиции и обида захлестывают его, преграждая дорогу к возрождению.

Герои Латкина словно блуждают по жизни – не складывается личная судьба и жизнь Крылова в повести «Тропа, ведущая по кругу», буквально родовое одиночество ощущают Васильевы в повести «Последнее пришествие». «Тоскливое одиночество» (А. Латкин) оказывается их общим чувством. Для них важно то, как прожить жизнь ЧЕЛОВЕКОМ, остаться самим собой, понять, что такое Жизнь, и найти самого себя в ней.

Латкину удалось ухватить, на наш взгляд, то, что можно было бы обозначить как неполное прилегание действительности к человеку. Все его герои как будто находятся в состоянии неприсутствия в Жизни. Их окружает жестокий мир, который лишен искренности и подлинности смысла. Большинство ищут истину, как, например, Крылов, находятся в состоянии рефлексии и поиска внутренней гармонии. Но личный успех вовсе не становится для Крылова залогом душевного благополучия – он мечется по жизни, мелкими уступками успокаивая свою совесть: «Нельзя исправить, то и страдать нечего» [5, с. 19]. Он болезненно жаждет оправдать себя за многое перед людьми и самим собой. Душевное равновесие им будет обретено лишь тогда, когда можно будет «перечеркнуть все, что прочно слито в его жизни с историей Перекатного» [Там же, с. 18]. Но это вся его жизнь, и ему остается «существовать», жить только сиюминутным, успокаивая себя тем, что «я пока жив», «я все-таки живу» [Там же, с. 23].

В «Последнем пришествии» драматизм ситуации заслонен будничностью. Наверное, в этом у Латкина есть своеобразная прикрепленность к извечной традиции литературы, к вечной для нее теме и мотиву – тихого, противоестественно-естественного, будничного угасания жизни. В центре повествования семья – дед Илья, отец, мать, дочь и сын. И все они томятся присутствием в их жизненном пространстве «чужого мира»: к нему они стремятся и ему же сопротивляются одновременно. Отраженная действительность в повести имеет, скорее, логику сна: происходит расползание времени и пространства. Но в этой «пропадающей реальности» автор все-таки пытается нащупать нечто вечное и постоянное.

В жизни героев нет места Прошлому, а есть лишь СЕГОДНЯ. Ни у Саньки, ни тем более у Ариши нет сил сопротивляться такому течению жизни, но есть «жажда сопротивления» [4, с. 9]. Но противостоять тотальности происходящего может только сила, тот, у кого есть «запас прочности». Родительская логика жизни – «чтобы ни случилось – надо жить» – оказывается совершенно неприемлемой для Саньки. Он может «жить» тогда, когда есть вера (а он «не верит ни во что или почти ни во что» [Там же, с. 20]), «святость», когда в настоящем имеет место Прошлое, свое. «Он вспугнул кабаргу... И некоторое время Александр следил за ее стремительным бегом по камням... Маленький горный олень был в *своей* стихии, имел свое и жил *своими* законами...» [Там же, с. 19]. А в том мире, в котором живут они, ничего этого нет, а потому круг Жизни как будто замыкается. Бессилие Саньки изменить что-либо в своей судьбе и жизни семьи в целом превращается в слепую ярость против Прошлого.

Символической в этом смысле становится сцена осквернения святого места предков и надругания над Богиней Древа Жизни, от которой, по древнему преданию, начался «круг жизни» их семьи. Образ горы, скалы имеет в повести Латкина символическую семантику, и его надо рассматривать с учетом природно-ландшафтного кода самой культуры эвенков. Горы и скалистые сопки ассоциируются с твердостью и непреодолимой границей. Эвенки-кочевники всегда спрашивали у духов благословение на переправу через какое-либо препятствие, следовательно, можно предположить, что этот ландшафтный объект воспринимается традиционно не как «свое пространство», а как «чужое», которое может быть совсем недружелюбным, таить жизненную опасность. В повести Латкина семантика символического образа горы, скалы двойственна: для рода Васильевых она часть сакрального пространства, где они поклонялись духам рода, она была защитой от врагов извне и злых сил, но в годы становления советской власти это место было осквернено пришлыми, и оно стало местом казни, впитав энергетику смерти. «Ариша мистически боялась этой скалы... Там в тридцатые годы расстреливали... Я поняла, чему прежде всего должна противиться – это компромиссу со скалой... А отец в это время шел как раз возле скалы...» [Там же, с. 10].

И горы, скалистые сопки становятся символом разрушения некогда гармонично устроенного родового космоса, в котором не было смерти, в котором главенствовали законы родовой жизни. Парадоксальны последние слова Саньки: «Прошлое бессильно изменить хоть что-то... Прошлое заботилось только о себе... И в том, что я мразь, неспособная к жизни, виновато оно. Прошлое?! Значит, выхода на новый виток жизни не будет?!» [Там же, с. 20]. А Латкин как будто «замедленной съемкой» некоторых картин пытается запечатлеть процесс распада некогда цельной жизни: «А вокруг сыро, тихо и грустно, и жизнь медленная – медленная и древняя; много лет падающие деревья-лиственники живут тягуче. Или умирают тягуче? Ведь говорят же: жизненный путь есть дорога к смерти» [Там же, с. 10].

Понимание и осознание всего делает героев повести «Последнее пришествие» поистине трагическими. Их мучает «экзистенциальная тоска» по другой жизни, но невозможность причаститься к своему делает их жизнь еще более безнадежной и отчужденной. Подчеркнем, что изображением героев в «пограничной ситуации» обусловлено определенное соотношение характеров и обстоятельств. Герои повести «Последнее пришествие» сталкиваются с ситуацией, которую объективно изменить невозможно (история рода, само место проживания семьи и сами жизненные обстоятельства), и сложившиеся обстоятельства становятся источником драматических экзистенциальных размышлений о смысле своего существования, о своем месте в этом пространстве жизни. «Старец даже не шелохнулся. Хранит молчание. Молчит почти двадцать лет. Он замолчал в ту минуту, когда пришлось уйти из родовых мест. Мудр Илья, но бессилён. Бессилён? Узкие черные глаза глубоко в веках. Никогда никому не понять, о чем он думает, вспоминает, чем страдает-живет. А ведь когда-то он был одним из представителей большого и значительного семейства, имевшего свою культуру – способы изготовления одежды, обуви, орудий, легенды, сказки, песни, культовые обряды. Ничего не осталось, кроме гула!» [Там же, с. 16]. Латкин событийный план повести переносит в ментальную сферу, и мы становимся свидетелями, как каждый герой делает свой выбор. Зачастую выходом из порочного круга становится... смерть. Таким образом, Латкин жизненный диссонанс доводит до предела в повести «Последнее пришествие». Тропа жизни ведет большинство героев Александра Латкина по кругу. Неверный выбор своего круга существования в этом мире, непротивление жизненным обстоятельствам или сопротивление злом лишает человека возможности найти и реализовать свой смысл жизни, обрести душевную гармонию и свое место на земле.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам: жанровое содержание повестей и сюжетные особенности А. Латкина определены авторской сфокусированностью на изображении внутреннего состояния героя. У прозаика событийный ряд ослаблен в повествовании, усилен личностно-социальный конфликт, и герой всегда предстает в «пограничной ситуации», он находится в состоянии постоянного выбора. Основной тип героя в повестях А. Латкина – это человек рефлексивный, для которого характерно «неприлегание» к действительности. И этот тип героя – «персонаж-тенденция» – в творчестве Александра Латкина наблюдается именно с 1990-х годов. Тогда как в ранних произведениях чаще встречается герой вроде Старого Охотника, который ближе к так называемому типу «естественного человека», человека родового, живущего в гармонии с собой и со-бытием с Природой.

Сходство главных героев повестей Александра Латкина в том, что это не просто рефлексивные люди, их отличает психоэмоциональная подвижность. В процессе повествования автор погружает нас в историю

жизни героя или целого рода, создает полноценные портретные и довольно развернутые индивидуально-речевые характеристики своих героев. Внутреннее состояние большинства из них сопряжено в повестях Латкина с мотивами тревоги, тоски, одиночества, в том числе и экзистенциально-родового, и это есть проекция ощущений современного человека, живущего во времена геополитических, социокультурных, экологических катаклизмов и цивилизационных катастроф. Все это способствует раскрытию внутреннего состояния главных героев в критические моменты их жизни, время душевного кризиса, нравственного перерождения, нравственно-этической актуализации. И это сближает произведения Латкина с классическими образцами произведений средней эпической формы.

Его герои воплощают реальность внутреннего бытия человека на рубеже XX-XXI вв. Художественные образы-символы в передаче реалий и внутреннего состояния человека играют нередко ключевую роль. Повести Латкина не исключение. Мы выявили двойственную семантическую наполненность образа скалы в повести «Последнее пришествие». Особо подчеркнем: при характеристике природных объектов Латкин создает именно живописный природный ландшафт, будь то «тайга-Арга» [Там же, с. 11] или галерея скалистых гор. Латкин тонко, как истинно национальный художник и промысловик-традиционник, жизнь которого в основном связана с тайгой, передает в деталях, едва заметных изменениях цветовые нюансы и световые ракурсы. Причем у каждого героя своя живопись природного мира: у юной Ариши все наполнено жизнью: «У маленьких ключей-бирокашек волшебная чистота, дрожащее и влажное дыхание сочных, душистых трав, где к духам примешивается тончайший запах морошки. А морошка-ягода осенью ярко-оранжевыми и светяще желтыми огоньками сияет на изжелта- и темно-зеленом мху...» [Там же, с. 10]; у ее отца качественно иная картина: «Решил спуститься к черному в туманной матовости таинственному озеру, до старой тракторной дороги. И по ней дойти до скал... Василий шагнул в наплывающую влажную серость – отпрянул, ослепленный ярким бело-синеватым светом застывшей молнии. Мертвенность. Беззвучность. Сосны с корявыми ветвями. Черные причудливые тени...» [Там же, с. 5]. И в этом проявляется особенность авторского видения и предметной изобразительности прозаика-эвенка. Живописность образов природы дополняет картину мира его героев и передает авторское настроение.

Ценностная встреча двух культур, как ни парадоксально, сдетонировала духовно-этическую разобщенность людей и экзистенциально-родовой, внутренний кризис в человеке. Апогей кризисного состояния национального родового сообщества – это непонимание и драматическое отчуждение между поколениями, родителями и детьми (повесть «Последнее пришествие»), неспособность к самопожертвованию во имя другого. Русскоязычные повести Александра Латкина продолжают традицию литературы нравственного выбора, при этом мотив жажды в его повестях становится определяющим: мотив жажды сопротивления обстоятельствам и времени, жажда обретения нового себя, жажда глобальных перемен и одновременно непротивление собственному бездействию придает повестям философский смысл, актуализируя экзистенциальную проблему жизни и смерти родовой Личности.

Предложенная работа – первый опыт собственно литературоведческого анализа его повестей. Перспективы дальнейшего исследования мы связываем с изучением русскоязычных повестей и рассказов А. Латкина в стилистическом ракурсе, весьма интересно исследовать их структуру сюжетов и семантику мотивов. Огромный пласт творчества Александра Латкина – и не менее ценный для исследователей – это экологические, исторические и этнографические очерки, статьи, которые были опубликованы в еженедельнике «Литературная Россия», журналах «Мир Севера» и «Северные просторы», авторском блоге самого писателя, отдельной книге «Исторические хроники. Из жизни эвенков и бурят Севера Бурятии», а также заметки писателя под названием «Мысли (предварительные итоги)». Повести и публицистика Александра Латкина почти равноценны, наполнены социально-этическим содержанием. Это не столько грань творческого самовыражения писателя, это базис его гражданско-личностного существования и весьма важный источник для понимания феномена Александра Латкина в эвенкийской литературе и в контексте литератур малочисленных народов Севера.

Источники | References

1. Комиссарова Т. Полная таежная жизнь // Полярная звезда. 1987. № 3. С. 103-105.
2. Латкин А. Амикан: повесть // Полярная звезда. 1983. № 2. С. 18-44.
3. Латкин А. Войди в храм чистым: повесть // Полярная звезда. 1994. № 2. С. 100-126.
4. Латкин А. Последнее пришествие: повесть. Улан-Удэ: БГУ, 2014. 128 с.
5. Латкин А. Тропа, ведущая по кругу: повесть // Полярная звезда. 1984. № 4. С. 17-40.
6. Огрызко В. В. Север нуждается и в защите, и в помощи // Латкин А. Рядом с Богом. Улан-Удэ: БГУ, 2014. С. 3-4.
7. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI - начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.
8. Хомутова Е. Два пленника // Литературное обозрение. 1986. № 5. С. 46-48.
9. Хомутова Е. Об авторе // Латкин А. Асса. Улан-Удэ: БГУ, 2014. С. 3-4.
10. Хромых А. С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). История. Вып. 23. С. 106-112.
11. Эпштейн М. Парадоксы новизны. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

Информация об авторах | Author information**RU****Хазанкович Юлия Геннадьевна¹**, д. филол. н., доц.¹ Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск**EN****Khazankovich Yulia Gennadievna¹**, Dr¹ Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk¹ hazankovich33@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 11.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): эвенкийская литература; Александр Латкин; эвенкийская повесть; поэтика повести; русскоязычная литература; Evenk literature; Alexander Latkin; Evenk story; story poetics; Russian-language literature.